

Е.И. Филиппова

НАЦИИ, ГОСУДАРСТВА, КУЛЬТУРЫ¹

Название книги, которую читатель держит в руках, может быть истолковано двояко: с одной стороны, речь в ней идет о внутренней культурной сложности, присущей современным нациям-государствам. С другой – о многообразии культурных моделей самих государств, привычно называемых «нациями». Это многообразие не исчерпывается классическим противопоставлением «культурной» и «гражданской», или «природной» и «воображенной» наций, или наций «восточного» и «западного» типов – во-первых, поскольку уже многократно было показано, что ни одна из этих моделей не существует в чистом виде; во-вторых, поскольку в рамках каждой из них можно выделить, на основании различных критериев, множество вариантов.

Действительно, современные государства имеют разную форму правления (среди них есть монархии – конституционные и абсолютные, республики – парламентские, президентские и смешанные). У них разные политические режимы (демократические и тоталитарные, этнократические и теократические, хунты и диктатуры) и системы территориально-политического устройства (унитарные государства, федерации и конфедерации, централизованные и децентрализованные, с наличием внутренних автономий и без них)... Одни государства апеллируют к давней и «исконной» связи между территорией и населением, противопоставляя «коренных» и «пришлых», другие позиционируют себя как «нации иммигрантов». Одни не замечают «частичных идентичностей», ограничивая их приватной сферой, другие официально признают и воспроизводят с помощью государственных механизмов разделение населения по расовому, этническому, религиозному или языковому признаку. Соответственно и чувство общности (коллективная идентичность) у жителей таких государств может строиться на разных фундаментах (представления о кровном родстве или общей исторической судьбе, общая религия или лояльность правящей династии, приверженность общим ценностям или общие культурные коды – излишне говорить, что эти компоненты могут образовывать различные комбинации и что

в разных исторических контекстах их относительная и абсолютная значимость может меняться) и распространяться как на все население, так и на отдельные его части.

Что же дает нам основания называть все эти разнообразные формы государств «нациями» и насколько вообще оправданно такое расширительное использование термина? Ставя в один ряд «старые» европейские нации, государства «нового света» и обломки бывших империй, только еще утверждающие свою новую национальную идентичность, не затушевываем ли мы тем самым принципиальные различия как стадийного, так и сущностного характера? Не следует ли исходить из того общепризнанного уже факта, что нация-государство есть исторически и пространственно ограниченный феномен, связанный с определенной стадией развития общества, определенным источником государственного суверенитета и определенной формой общественного договора, а вовсе не является той универсальной формой, «к которой так или иначе будут эволюционировать все прочие формы государственности» и которая в конечном счете «распространится на все человечество»?²

Собранные в этой книге тексты представляют разнообразные государственные модели, обращая внимание на то, как в их рамках решается вопрос о культуре: доминирующей, официальной, «мейнстримной» – и культурах меньшинств. По-прежнему ли культура является опорой государственного единства, или же прав Т. Иглтон, предрекающий, что она «станет в будущем тем, что их (государства. – *Е. Ф.*) разрушит»?³

Вечный спор о сущности предмета

Вопрос «Что есть нация?» поставил еще в конце XIX в. Э. Ренан и сам же дал на него развернутый ответ, из которого общественное сознание вынесло краткую и запоминающуюся формулу: «нация – это

¹ Глава написана при поддержке РНФ, проект № 15-18-00099.

² Мартыанов В. Строительство политической нации и национализм // Логос. 2006. № 2. С. 95.

³ Цит. по: Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: НЛО, 2014. С. 29.

ежедневный плебисцит». Правда, повторяющие на все лады это определение обществоведы и политики вряд ли одинаково (и в соответствии с ренановской концепцией) понимают его смысл, а иные, видимо, и не задумываются о смысле. Сто лет спустя свой ответ в столь же афористичной форме предложил Б. Андерсон, назвав нации «воображаемыми сообществами». Между этими двумя определениями, хотя оба они взяты на вооружение конструктивистами в полемике с приверженцами представления о нациях как о вечных сущностях, созданных самой природой, заметная разница.

Первое ставит во главу угла политическую волю «совокупности граждан, чей коллективный суверенитет образует государство», акцентирует важность «гражданственности, всеобщего волеизъявления и массового участия в делах государства»⁴. Это определение отражает сущность начального этапа формирования «определенного типа современного территориального государства – нации-государства»⁵.

Второе имеет отношение к наполнению идеи нации конкретным содержанием, конструированию идентичности, категоризациям и классификациям, созданию мифов и изобретению традиций, укреплению эмоциональной связи внутри национального сообщества, приданию ему дополнительной легитимности в собственных глазах и в глазах внешнего мира. В этом длительном и трудоемком процессе особую роль играет культурная политика государства, в буквальном смысле *культивирующего* представление об общественном благе, общую систему ценностей и ориентиров.

Таким образом, размышления о нации приходится вести в смысловом поле, включающем в себя не только государство, гражданство и суверенитет, но также общество и культуру – «всеохватные категории», чья «множественная семантика порождает сомнения в их операциональности» (глава С.В. Соколовского).

Автор обращается к проблеме категоризации культурной сложности национальных сообществ, чья мозаичность и гибридность «сопротивляется всем усилиям классификаторов», опираясь на несколько масштабных исследовательских традиций, обширных проблемных областей и литературу из весьма широкого набора различных специализаций. Отталкиваясь от Андерсоновского определения нации, С.В. Соколовский задается вопросами о том, как работает «воображение», усилиями которого создаются нации, и чем отличаются «механизмы формирования и воспроизводства, или особенности “сборки“ этнонаций и гражданских наций». Обычно эти процессы изображаются разнесенными во времени (становление этнонаций в таком представлении предшествует становлению наций-государств), пишет он, тогда как правильнее было бы говорить о конкурирующих описаниях единого процесса нациогенеза, застигнутого на его разных стадиях, во-первых,

и с различающейся концептуализацией различий, во-вторых. Таким образом, этнонации оказываются не столько отдельным типом, сколько проекцией в сферу классификации идеологии этнонационализма, рассматривающего этнонации как «естественный продукт». Признание за этнонациями статуса объективных сообществ с логической неизбежностью приводит и к признанию объективного существования этносов (если гражданская нация состоит из сограждан, в таком случае этнонация должна состоять из «коэтников», или этнофоров).

Между тем, напоминает С.В. Соколовский, «субъектом самоуправления в международном праве является *народ*», и уточняет, что «понятие народа здесь не несет представления о культурно-языковом единстве и не может подменяться идеей этнического сообщества, но означает прежде всего политическую общность. Очевидно, что это определение подразумевает демократический контекст, при котором в результате свободного самоопределения народа возникают и нация, и государство», причем государства существовали в Европе, «по крайней мере, за пару веков до возникновения наций».

Трудности классификации, или соотношение нации, государства и культуры

Наиболее последовательной с позиций историзма представляется точка зрения, согласно которой государства-нации являются продуктом Нового времени и представляют собой «особый вид политического образования, где большинство индивидов обладают гражданским сознанием»⁶; их непременным атрибутом является «участие всех управляемых в деятельности государства [...] в форме всеобщего избирательного права»⁷, поскольку именно нация признается единственным и непосредственным источником государственного суверенитета. Зафиксируем существенный момент: критериальные признаки государства-нации лежат в сфере политики, а не культуры. Это именно и в первую очередь «общество граждан» (фр. *communauté des citoyens*)⁸.

Если исходить из такого понимания, то к государствам-нациям нельзя отнести не только сохранившиеся абсолютные монархии, диктаторские режимы и живущие по законам шариата исламские государства, но и так называемые «этнические демократии»⁹ – термин, первоначально относившийся к «еврейскому государству на земле Израиля», где доступ к граждан-

⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. С. 33.

⁵ Там же.

⁶ Aron R. Paix et guerre entre les nations. Calmann-Lévy, 1962. P. 16–17.

⁷ Ibid. P. 297.

⁸ Schnapper D. La Communauté des citoyens Sur l'idée moderne de nation. Gallimard, 1994.

⁹ Smooha S. Ethnic Democracy: Israel as an Archetype // Israel Studies. 1997. Vol. 2, No. 2. P. 198–241; Dieckhoff A. «Quelle citoyenneté dans une démocratie ethnique?» // Confluences Méditerranée. 2005. 3 (54). P. 69–80.

ству, права на землю и недвижимость и политические свободы напрямую зависят от этнической принадлежности, которая к тому же определяется по установленным государством критериям. Впоследствии он был распространен и на некоторые европейские республики, где значительная часть постоянного населения не имеет статуса граждан и, как следствие, лишена избирательных прав (как в Латвии и Эстонии) или где право занятия должностей в органах государственного и муниципального управления напрямую связано с этнической принадлежностью гражданина (как в Боснии и Герцеговине).

Строительство нации в этом молодом балканском государстве (глава М.Ю. Мартыновой), которое западные аналитики склонны рассматривать как порождение этнического национализма, а то и трайбализма¹⁰, идет на фоне сложного процесса постконфликтной реконструкции и пока далеко от завершения. Его сложная, громоздкая и малоэффективная система государственного управления, сочетающая элементы федерации и конфедерации, призвана обеспечить равное представительство трех «конституционных» народов – боснийцев, хорватов и сербов, тогда как представители 17 проживающих в стране меньшинств, в нарушение Европейской конвенции о правах человека, законодательно лишены доступа к высшим управленческим должностям. Значимость этнического фактора в общественной жизни проявляется и в популярности партий, созданных по этническому принципу. В стране действуют 13 конституций и официально признаны три языка, которые еще недавно считались единым сербохорватским (или хорватско-сербским). Отсутствует единая образовательная система, повсеместно практикуется раздельное обучение детей из разных этнических групп. Предпринимаются попытки внедрения в школы религиозного образования, что только усилит сегрегацию. Значительно сократилась доля смешанных браков. Всплеск роли этнического фактора в жизни общества привел к возрождению и актуализации традиционной культуры как маркера идентичности. Все это затрудняет формирование гражданского единства. Между тем европейские структуры подталкивают БиГ, с одной стороны, к превращению в унитарное государство, а с другой – к соблюдению прав меньшинств и поддержке культурного многообразия. Трудно в этих условиях предсказать, в каком направлении будет развиваться государство: в сторону культурной унификации или признания различий. Но очевидно, что без деэтнизации структуры политической власти построение гражданской нации и утверждение общенациональной гражданской идентичности невозможны: на данный момент далеко не все жители БиГ готовы идентифицировать себя как «боснийцы», предпочитая идентификацию с этническим сообществом.

Абсолютной антитезой государства-нации предстает королевство Саудовская Аравия (глава Г.Г. Косача), где связующей нитью между правителем и гражданином (а не между отдельными гражданами!) является клятва верности королю, приносимая на Коране и обещающая «повиновение и покорность в трудностях и радостях, в богатстве и в несчастьях». Тем самым создается идентификация «с правящей семьей, а не с территорией, населенной человеческим сообществом». Идеологической основой и инструментом государственной власти служит религиозная доктрина ваххабизма, дополняя единовластие единобожием и обеспечивая единообразие общества. Последнее достигается распространением культурной гегемонии Неджда – региона, откуда ведут свое происхождение и правящая династия Аль-Сауд, и род М. ибн Абдель Ваххаба. При этом реальное социокультурное и конфессиональное многообразие населения игнорируется официальной статистикой, а региональные формы культуры, от локальных версий истории до костюма или фольклора, вытесняются «высокой культурой» *благородных предков*. Однако, цитирует Г.Г. Косач одного из саудовских авторов, «ригоризм ваххабизма» не позволяет ему «играть роль культурной составляющей национальной идентичности», а пренебрежение интересами региональных и конфессиональных сообществ пробуждает «чувство региональной идентичности», а не «принадлежности к государству».

Таким образом, единство общества обеспечивается в Саудовской Аравии лояльностью населения правящей династии, подчинением общим законам и общим вероисповеданием. Достаточное ли это основание для того, чтобы считать это государство *нацией*? Примечательно, что саудовский дискурс не использует этот «западный» по происхождению термин, предпочитая ему арабский лексический аналог *умма* (обозначающий трансграничное сообщество приверженцев ислама), а для определения человеческого сообщества в рамках страны использует термин *шааб* – народ, понимаемый как «территориальная организация». Лишь в самое последнее время в саудовском дискурсе появились новые термины: *ватан* (родина) и *мува-тынун* (граждане). «Интерпретируемый как аналог *patria* термин *ватан* лежит и в основе определения *национальный* – *ватаний*, который, если того требуют обстоятельства, трансформируется в *патриотический*. [...] Сочетая новые элементы дискурса и традицию, власть проводила грань между *уммой* и *народом*, когда понятие *народ* все более ассоциировалось с *национальным* (и *патриотическим*) сообществом», – пишет Г.Г. Косач. Однако природу государственного суверенитета эти новации не затронули: инициатором модернизационных реформ в стране по-прежнему может быть только власть, остальным членам общества дозволено лишь «высказывать свое мнение, давая советы». Позиция правящего монарха недвусмысленна: «Наш народ – единая партия, а желание создать партию вызывает гнев Господа».

Тем не менее не только обыденное словоупотребление, но и общественно-политические практики (в частности, более чем полувековое существование

¹⁰ Appadurai A. Après le colonialisme. Les conséquences culturelles de la globalisation. Editions Payot&Rivages, 2015.

Организации Объединенных Наций, членство в которой, согласно уставу, открыто для «всех миролюбивых государств») привели к слиянию понятий «нация» и «государство» – вне зависимости от того, является ли государство демократическим, а нация – гражданской. Само по себе существование суверенного государства как бы по умолчанию и без всяких дополнительных условий предполагает наличие нации.

Как ни странно, гораздо чаще сомнения вызывает не возможность существования нации без демократической составляющей, а ее совместимость с культурным многообразием населения.

Подмена понятий: примат культуры над гражданством

«Уверенность в том, что каждое государство должно быть нацией, отражает, вероятно, наиболее распространенное нормативное представление о современном демократическом государстве – т. е. нации-государстве», – пишут А. Степан, Х. Линц и Й. Ядав¹¹. Они предлагают трехчленную типологию современных демократических государств в зависимости от степени культурной унификации населения.

Первая категория – государства с выраженным культурным многообразием, в некоторых случаях имеющим территориальную привязку и политическое выражение, с групповыми требованиями независимости во имя самоопределения наций. Подобные государства авторы называют «откровенно многонациональными» и относят к ним, в частности, Канаду, Испанию, Бельгию и Индию. К этой же категории, в русле такой логики, следовало бы отнести и Великобританию с ее четырьмя «нациями» и мощным политическим сепаратизмом Шотландии и Северной Ирландии, и, вероятно, Россию, где налицо и территориальная привязка, и политическое выражение культурного многообразия (этнический федерализм), хотя в настоящее время отсутствуют групповые требования независимости.

Вторая категория объединяет государства, где культурные различия хоть и заметны, но не организованы ни территориально, ни политически, и где отсутствуют националистическая мобилизация и требования независимости. К этой категории можно отнести, например, Швейцарию и США.

Наконец, третья категория представлена государствами с достаточно культурно однородным доминирующим сообществом и отсутствием других сколь-нибудь существенных групп, могущих претендовать на аналогичный статус. К таким государствам причислены Япония, Португалия и скандинавские страны.

Только в государствах третьего типа, по мысли А. Степана и его соавторов, нациестроительство и построение демократического общества не только не противоречат, но и взаимно усиливают друг друга;

напротив, в государствах первого типа (с выраженной «многонациональностью») они почти неизбежно вступают в конфликтные отношения, поскольку нациестроительство предполагает мощный ассимиляционистский посыл, требующий мобилизации многих государственных механизмов – от школы до армии, а также неизбежного ограничения демократических свобод.

Выходом может стать (и, утверждают авторы, на деле является) отказ от классической модели *нации-государства* в пользу модели, которую предлагается называть *государством-нацией*¹². Это такое государство, которое «признает законным публичное и даже политическое выражение существующих социокультурных различий и включает механизмы примирения конкурентных и конфликтных требований, не навязывая или не отдавая предпочтения каким-то из них»¹³. Политика государства-нации предполагает, по мнению авторов, институциональную поддержку и сохранение культурного многообразия, что легче всего реализовать в форме федерации, чаще всего – асимметричной, возможно – в сочетании с консоциализмом (по А. Лейпхарту). Эти механизмы должны обеспечить инклюзивную демократию и защиту меньшинств, чьи права «классическая» демократия, понимаемая как власть большинства, гарантировать не может. Коллективная, множественная, инклюзивная идентичность в такого рода государствах может основываться на принципе «конституционного патриотизма» (в понимании Ю. Хабермаса).

Дальнейшее развитие оппозиции между нацией-государством и государством-нацией позволило А. Степану с соавторами вычленив два идеал-типа, которые можно кратко резюмировать следующим образом: для нации-государства характерны одна доминирующая культурно-цивилизационная традиция в рамках государственных границ, усиливаемая и поддерживаемая ассимиляторской политикой; отсутствие выраженных территориальных или культурных разломов; унитарная или симметрично-федеративная форма государственного устройства. Граждане идентифицируют себя как с государством и его институтами, так и с (одной и той же) культурной нацией. Напротив, в государстве-нации сосуществуют несколько влиятельных культурных традиций, с которыми идентифицирует себя население (хотя эта идентификация

¹¹ Stepan A., Linz J.J., and Yadav Y. The rise of “State-nations” // Journal of Democracy. Vol. 21, No 3. July 2010. P. 51.

¹² В английском оригинале, соответственно: *nation-state* и *state-nation*. Отметим, однако, что при переводе с французского языка на английский с самого начала произошла инверсия: *état-nation* следовало бы перевести именно как *state-nation*. Таким образом, считающаяся классической французская модель государства нового времени, идеал-тип гражданской нации самими французами определяется не как «нация-государство» и тем более не как «национальное государство», а как «государство-нация», в котором слово «государство» первично.

¹³ Stepan A., Linz J.J., and Yadav Y. The rise of “State-nations”. P. 53.

не мешает ему осознавать свою принадлежность и к государству в целом). Государство-нация признает групповые права и поддерживает на своей территории несколько культур и языков, а горизонтом его политики является «единство в многообразии». Такие государства обычно организованы как асимметричные федерации. Граждане их в большинстве своем имеют множественные и взаимодополняющие культурные идентичности: речь идет о политической интеграции населения без его культурной ассимиляции.

Нетрудно заметить, что краеугольным камнем в рассуждениях А. Степана сотоварищи является вопрос о культурном единстве/многообразии и их совместимости с демократической формой правления, а под «нацией» они понимают именно культурную нацию как «приложение» к государству, воплощающему в себе идею гражданства. Однако предложенное противопоставление «нации-государства» и «государства-нации» не кажется удачным. Во-первых, оно ставляет предположить, что в первой конфигурации «культурная» нация предшествует государству. Между тем история свидетельствует о том, что именно государство создает, распространяет и поддерживает единую национальную культуру, на фундаменте которой строится национальная идентичность. Весьма показательный пример являет собой послевоенный раздел Германии, результатом которого стало формирование менее чем за полвека двух разных наций со своим историческим самосознанием, культурой повседневности и профессиональной культурой – при этом на базе исходно общей культуры – различия между которыми сохраняются и рефлексированы общественным сознанием и через 25 лет после воссоединения двух Германий (см. подробнее главу Ю.В. Бучатской). Во-вторых, единственное число «нации» во второй конфигурации выглядит нелогично, поскольку данный идеал-тип, по мысли авторов, характеризует признание в рамках одного государства групповых прав нескольких культурных общин и не предполагает их слияния. По сути, «государство-нация» означает в данном случае то же самое, что «многонациональное государство». В-третьих, порядок слов в обозначении двух предложенных идеал-типов должен, по-видимому, означать примат той или иной (культурной или гражданской) составляющей, однако никем не доказано, что уровень гражданского сознания или политического участия населения в многонациональных государствах выше.

Повторю еще раз: связка «государство-нация» (или «нация-государство», порядок слов не принципиален) отражает природу политического суверенитета. Нацию составляют граждане, а не подданные, из чего логически следует, что нация в таком контексте по определению может быть только гражданской. Именно наличие гражданского общества, гражданского равенства и гражданских свобод, а не культурная однородность населения являются неотъемлемыми признаками государства-нации. В то же время гражданская нация, лишенная культуры, – чистая абстракция, идентификация с которой была бы невозможной

в отсутствие объединяющих и дифференцирующих признаков.

Поэтому имеет смысл рассуждать не о том, является ли та или иная нация «гражданской» или «культурной» (если мы условились, что дефис в связке «государство-нация» предполагает, что речь идет по умолчанию о нации гражданской), и не о том, нужна ли гражданской нации единая и монолитная «национальная культура» или же она может позволить себе культурный плюрализм (если согласиться с тем, что гражданская нация – прежде всего политическая общность, хоть и нуждающаяся в дополнительной легитимации средствами культуры), а о том, каков баланс гражданской и культурной идентичности, что понимается под «национальной культурой» и как она соотносится с понятиями «культурной традиции», «культурных прав» (включая право на признание субкультур в рамках единого государства) и «культурного национализма».

Одной из причин ложного противопоставления «гражданской» и «культурной» наций является различие культуры и этничности. Такая аналитическая перспектива ведет к недооценке культурного многообразия населения и роли культуры как системообразующего элемента в «классических» западных демократиях, прежде всего – США и Франции, и их переоценке применительно к другим странам. Она также формирует представление о культуре как о чем-то фольклорном, архаично-традиционном или, напротив, экзотическом (если речь идет о культуре иммигрантов), воплощенном в материальных объектах, в звуках и образах, вкусе и запахах. Между тем культура современных наций – это, с одной стороны, высокая профессиональная культура, «состоящая из художественного, архитектурного и интеллектуального наследия, а также современной научной и артистической продукции страны (книг, фильмов музыки и т. п.)»¹⁴, а с другой – массовая вестернизированная поп-культура. Это, кроме того, культурные модели – «выбор общественного строя, экономической модели и образа жизни». Наконец, это «специфическое мировоззрение»¹⁵. Не следует забывать и о том, что национальные культуры могут выступать в роли мягкой силы, осуществляя экспансию своих ценностей и образа жизни посредством распространения собственной культурной продукции и языка, выступающего ее носителем.

Ложным является и противопоставление культурного единства (которое существует лишь в виде недостижимого горизонта, а потому правильнее называть его культурным национализмом) мультикультурализму – противопоставление, основанное на чувстве опасности, которую якобы представляет культурное разнообразие населения для самого существования национального государства. «Этнические и расовые

¹⁴ Martigny V. The Importance of Culture in Civic Nations: Culture and the Republic in France // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2008. Vol. 8, No. 3. P. 544.

¹⁵ Ibid.

различия между людьми существуют во всем мире, – отмечает В.А. Тишков, – и страны отличаются друг от друга не столько степенью разнообразия облика и традиций проживающих в них людей, сколько тем, какое внутреннее содержание придается этому разнообразию в обществе»¹⁶. В действительности водораздел проходит не между монокультурными (на деле не существующими) и мультикультурными обществами, а между обществами с разными способами категоризации культурных различий, с разным (либеральным или коммунитаристским) пониманием культурных прав и их субъекта.

Принципиальная разница между Францией и Великобританией (Канадой, Австралией, Россией...), состоит не в большем или меньшем культурном разнообразии/однородности населения, а в способах описания и организации этого разнообразия. Со времен Великой французской революции французская нация понимается как совокупность индивидов, равных перед законом. Представление о том, что между индивидом и государством не может и не должно быть промежуточной инстанции¹⁷, восходит к парламентской речи депутата С. де Клермон-Тоннера (1789), заявившего: «Нужно ничего не позволять евреям как нации и предоставить им все права как индивидам. Они не должны представлять в государстве ни политического образования, ни сословия. Нужно, чтобы каждый из них индивидуально был гражданином. [...] Отвратительно, когда существует общество неграждан внутри государства или нация внутри нации»¹⁸. Этот принцип стал одним из краеугольных положений якобинской республиканской доктрины. Поэтому разговоры поборников мультикультурализма англосаксонского образца о коллективных правах меньшинств (реализуемых в форме самоорганизующихся общин) вызывают бурный протест и воспринимаются как посягательство на самые основы республиканского строя. Поэтому Франция не признает на своей территории меньшинства, отказывается ратифицировать относящиеся к их защите европейские хартии и запрещает этническую статистику. Высший совет по интеграции в одном из своих отчетов сформулировал это так: Франция «всегда отказывалась признать коллективные права отдельных групп или меньшинств. Она гарантирует полный набор прав каждому гражданину, позволяющий его индивидуальности занять свое место во французском обществе»¹⁹. Таким образом, поддержание культурного многообразия и борьба с дис-

криминацией не связываются во Франции с защитой прав меньшинств, как это происходит в англосаксонском мире.

Опыты и практики мультикультурализма

Вслед за В.С. Малаховым²⁰ мы будем понимать под мультикультурализмом «практику институализации культурных различий», которые «не просто допускаются в публичном пространстве (не вытесняясь в приватное пространство), но и получают государственную поддержку на уровне экономических, образовательных и иных институтов».

Великобритания

Концептуализацию и практики мультикультурализма удобно изучать на примере Великобритании, прошедшей за последние полстолетия впечатляющий путь от «самой однородной из индустриально развитых стран»²¹ до общества «сверхмногообразия»²².

Л.К. Мамедова констатирует, что тема мультикультурализма остается одной из приоритетных в общественно-политической дискуссии в Великобритании на протяжении двух последних десятилетий, хотя характер ее обсуждения меняется в зависимости от состояния национальной экономики и от того, какие политические силы стоят у руля. Однако и либералы, и консерваторы уделяют первоочередное внимание усилению политической лояльности некоренного населения, интегрируя представителей этнических меньшинств в партийные и управленческие структуры, а также строя свои взаимоотношения с этническими бизнес-элитами на принципах лоббирования.

Ряд экономических, демографических и социокультурных показателей (уровень образования меньшинств, их представленность в различных сферах занятости, территориальная мобильность, рост числа смешанных браков, изменение электорального поведения в сторону социально, а не этнически мотивированного выбора), а также распространенность среди меньшинств британской идентичности свидетельствуют о том, что политика мультикультурализма дает ощутимые результаты.

В то же время опасность состоит в том, что политическая система в целом прежде всего взаимодействует с образованной и социально устроенной частью общества, которая придерживается либеральных взглядов, и не уделяет должного внимания менее благополучной его части, среди которой гораздо больше противников иммиграции и мультикультурного проекта.

¹⁶ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 12.

¹⁷ Keating M. Nations against the State: The New Politics of Nationalism in Quebec, Catalonia and Scotland. London: Macmillan, 1996. P. 21.

¹⁸ Archives parlementaires de 1787 à 1860 collectif / éd. Librairie administrative de Paul Dupont. 1867. Т. X. P. 756.

¹⁹ HCI. Rapport du Haut Conseil de l'Intégration. Paris: La Documentation Française, 1997. P. 14.

²⁰ Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015.

²¹ Payton Ph. Ethnicity in Western Europe today. London: Routledge, 1999. P. 25.

²² Vertovec S. 'Super-diversity and its implications' // Ethnic and Racial Studies. 2007. 30 (6). 1024–1054; Vertovec S. Super-diversity. London and New York: Routledge, 2014.

Эта категория населения пополняет ряды сторонников партий, не входящих в политический мейнстрим страны, которые, как правило, пропагандируют крайне правые взгляды. В стране растет активность ксенофобских, националистических движений, различных ультраправых организаций.

Л.К. Мамедова прослеживает связь между пониманием британской идентичности и отношением к иммиграции: те, для кого *brutishness* связана с культурными и территориальными характеристиками, чаще выступают против иммиграции, по сравнению с теми, кто понимает ее как гражданский и политический концепт.

Глава Д.Н. Караваевой смещает фокус с Великобритании на Англию и на английскую идентичность, понимаемую как совокупность английских культурно-исторических ценностей и ориентаций и соотносящуюся с британской как русская идентичность с российской. В последние двадцать лет отмечается заметный рост английской идентичности, подчас в шовинистическом ключе, и аналитики не исключают возможности трансформации культурного национализма в политический.

Заслуживает внимания предложенная автором четырехчленная пространственно-временная модель английской идентичности: две разновидности локальной *идентичности суши*: классическая английская Англия и Малая Англия – и две – магистральной *идентичности моря*: британская Англия и космополитичная, мультикультурная Англия. В каждой паре первая разновидность считается обращенной в прошлое, вторая – в будущее. Этим четырем источникам идентичности, которые автор характеризует как «утопии», противопоставляется пятый: «региональная Англия», порождающая идентичность одновременно локальную и магистральную, обращенную в прошлое, к истокам и традициям, и в будущее, основанную на аффективной связи с «малой родиной» и слабо политизированную.

Решение Великобритании о выходе из ЕС, в котором основную роль сыграли именно голоса англичан, с очевидностью свидетельствует о том, что модель космополитичной, многокультурной Англии, признающей и поощряющей культурное многообразие, открытой культурным и экономическим контактам, ориентированной на США, Европу и Содружество, на данном этапе потерпела крах. Рост культурного национализма, вызванного экономическим и миграционным кризисом и находящего выражение в программах крайне правых партий, сделал более привлекательными другие модели: «классической» доброй старой Англии – исконной, самостоятельной политической и культурной субстанции, исчезающей под натиском евроинтеграции и мультикультурализма, или малой Англии, отрицающей все иностранное, глобальное, имперское, отторгающей идею культурного разнообразия и требующей ассимиляции приезжих с «гомогенной белой британской культурой».

Традиционно жестко критикующая «европейский мультикультурализм» российская политическая элита как будто игнорирует тот факт, что задолго до появления самого термина и дискуссий вокруг него этот принцип был реализован в Советском Союзе: в форме этнического федерализма, признания государственными на части территории десятков языков меньшинств, организации обучения и создания профессиональной культуры («национальной по форме, социалистической по содержанию») на этих языках.

Опыт нацистроительства и организации культурного многообразия в Российской империи, СССР и современной России анализирует в своей главе В.С. Малахов. Отталкиваясь от посыла, что культурное разнообразие является сущностной чертой империй и что поддержание гетерогенности (прежде всего правовой) является функциональным императивом данной формы организации политического пространства, он, тем не менее, утверждает (и с ним невозможно не согласиться), что проблематичность формирования нации при царском режиме связана в не меньшей степени с династической формой правления и сословной структурой общества, которые исключали альтернативный источник легитимации власти. Тормозом этого процесса стал и дисконтинуум российской истории, связанный с революцией 1917 г.

Коммунисты, – пишет В.С. Малахов, – не пытались построить «советскую нацию». Они пытались построить «советский народ», состоящий из множества наций. В результате целенаправленной государственной политики некоторые нации были практически созданы, а этнокультурные сообщества получили в свое распоряжение огромные ресурсы, от финансовых до инфраструктурных. Советскому руководству было важно демонстрировать антиимпериалистическую и антиколониальную природу Советского Союза. Он никоим образом не должен был предстать в качестве продукта экспансии России. Отсюда и проистекала приверженность советского режима политике позитивной дискриминации. Не зря Т. Мартин назвал СССР «империей аффирмативных действий», имея в виду государственный протекционизм в отношении этнических меньшинств²³. Как бы то ни было, культурное разнообразие в советский период российской истории можно характеризовать как *вынужденное*. Оно было вынужденным отчасти в силу объективных этнодемографических причин, отчасти в силу причин политико-идеологических.

После распада СССР ситуация изменилась, но лишь отчасти. Вопреки провозглашенному курсу на деполитизацию этничности деэтнизацию политики²⁴,

²³ Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001.

²⁴ Филиппов В.Р. Этнополитические парадоксы и кризис этнического федерализма // Филиппов В.Р., Исмаилова Р.Н. Федерализм и региональная политика

Российская Федерация по-прежнему включает в себя «этнические» субъекты²⁵; «национальность» ушла из официальных документов (хотя иногда раздаются голоса за возвращение «пятого пункта»), но остается в переписных вопросниках; Конституция провозглашает источником государственного суверенитета «многонациональный народ», принимаются государственные и региональные программы национальной (этнической) политики, регистрируются сотни национально-культурных автономий²⁶ и других организаций «этнокультурной направленности».

Русские националисты полагают, – пишет далее Малахов, – что после отпадения от России «имперского балласта» (территорий с преобладанием нерусского населения) у страны появился шанс стать нормальным национальным государством. Такое государство, в их понимании, станет завершением процесса культурной гомогенизации населения – превращения подавляющего большинства населения в русских. Очевидно, культурное разнообразие противоречит общественному умоностроению. Для большинства россиян характерно недоверие и подозрение к любым отклонениям от социокультурного мейнстрима, которые почти автоматически считаются девиантными. В этой атмосфере культурный плюрализм (связанный с этничностью, конфессией, языком или жизненным стилем) либо игнорируется, либо отторгается как нечто нежелательное и/или опасное. Проявления культурного разнообразия воспринимаются в лучшем случае как неизбежное зло.

Этот вывод В.С. Малахова подтверждают данные Левада-центра: 76 % опрошенных в феврале 2014 г. сочли, что в наши дни для России важнее обеспечить «большее уважение к традиционным ценностям», чем «большую терпимость к людям с нетрадиционным для большинства образом жизни, иного происхождения и с иными обычаями». Б. Дубин заключил из этого, что русский «национализм» – это в решающей степени неприязнь к непохожести и разнообразию, гетерофобия²⁷.

Для советского и постсоветского дискурса и практической политики в этнокультурной сфере на всех

этапах характерны противоречивость и частые смены курса, – отмечает Малахов. Это постоянные метания между борьбой с «великодержавным шовинизмом» (читай: русским национализмом) – и борьбой с «мелкобуржуазным национализмом» (читай: национальными притязаниями элитных слоев нерусского населения), сочетание мер по культурной унификации населения, т. е., по сути, по преодолению культурного разнообразия – с мерами по его поощрению, официальной риторики многокультурности, носящей скорее ритуальный, инерционный характер – с явным нежеланием смириться с этой многокультурностью.

В.А. Тишков справедливо обращает внимание на то, что в российской литературе интеллектуальные поиски в области «трактовки этничности и нации, понимания и управления полиэтничным государством, формирования национального самосознания (идентичности) все эти годы шли назад: к «философскому пароходу» и русскому космизму, к гумилевско-бромлеевской интерпретации этнического и национального»²⁸. В их основе лежит доктрина этнического национализма, в соответствии с которой «нациями объявляются исключительно этнические общности определенного уровня исторической зрелости», и только созданные такими общностями государства «обретают легитимность национальных государств»²⁹. Поэтому будет, очевидно, не лишним еще раз подчеркнуть, что не декларируемый, но *de facto* существующий мультикультурализм российской политики не ставит под сомнение ни существование российского народа как гражданской нации, ни легитимность российского государства.

Австралия

Среди немногих государств, где мультикультурализм является официальной политикой, – страны Нового Света: Канада, Австралия и Новая Зеландия. Их население формировалось сходным образом из типологически близких компонентов: аборигенов, оттесненных колонизаторами на географическую и социальную периферию (канадские *first nations*, австралийские аборигены, маори Новой Зеландии); европейских первопоселенцев (с преобладанием выходцев из Соединенного Королевства и, в случае Канады, из Франции), потомки которых составляют сегодня большинство, а также мигрантов новейшего времени, среди которых растет доля выходцев из азиатских и африканских стран.

Австралийский опыт (глава И.Г. Остроух) являет собой пример сочетания конструирования общенациональной идентичности и сохранения культурного многообразия. Австралия – молодая нация, она формируется лишь с начала XX в., а такие атрибуты нации-государства, как флаг и гимн были официально утверждены в 1954 и 1984 гг. соответственно. И лишь с 1990-х гг. проект нациестроительства включает

в полиэтничных государствах. М., 2001. С. 23–38; Филиппов В.Р. Реформирование российской государственности: политизация этничности или деэтнизация политики? // Казанский федералист. 2002. № 1. С. 17–35.

²⁵ Филиппов В.Р. Асимметричная конструкция этнического федерализма // Этнографическое обозрение. 2004. № 6. С. 74–86.

²⁶ Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Национально-культурная автономия в контексте совершенствования законодательства // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 46–59. Filippova E.I., Filippov V.R. National-Cultural Autonomy in Post-Soviet Russia Over Two Decades: Concept and Institution // Ethnicity. 2015. No. 1 (13). P. 50–61.

²⁷ Дубин Б. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян // Pro et Contra. Январь–апрель 2014. Т. 18, № 1–2. С. 11.

²⁸ Тишков В.А. Российский народ... С. 13–14.

²⁹ Там же. С. 18.

аборигенное население, которое до этого времени не было допущено к участию в нем и подвергалось насильственной биологической, а позднее культурной ассимиляции. На государственном уровне была признана необходимость национального примирения и создания инклюзивных социальных и экономических институтов. Были сделаны некоторые символические шаги, направленные на общественное признание аборигенов и их включение в политическую жизнь. В то же время важнейший вопрос о возвращении аборигенам их земель до сих пор до конца не решен, как и вопрос зависимости коренного населения от социальных пособий. Недостаточно эффективны адресованные ему образовательные и медицинские программы.

Помимо аборигенов, Австралия должна интегрировать большие потоки мигрантов (не менее 100 тыс. человек в год, не считая временных мигрантов). Для этого существуют хорошо продуманные механизмы адаптации: система пособий, детские и семейные центры, психологические службы и языковые курсы, переводческие услуги. Кроме того, для облегчения адаптации новых граждан в стране действует большое количество этнических общин, которые поддерживаются и финансируются из бюджета. Более 700 общин использовали возможность открыть классы, где дети могут изучать язык и культурные особенности своего народа.

Мультикультурализм, однако, не означает равенства культур в государстве. Не случайно он тесно связан с понятием «толерантность». Иными словами, допустимы некоторые отступления от культурного мейнстрима, но до какого предела – всегда решает государство, устанавливающее правила интеграции и вводящее те или иные запреты (на полигамию, на женские обрезания, на ношение хиджаба или ритуальные жертвоприношения в общественных местах и т. п.). Мультикультуралистский дискурс зачастую призван замаскировать дискриминацию и исключение другого. Оказавшись не в состоянии обеспечить равенство, государства предложили взамен право на различие и именно этими (культурными) различиями оправдывают социальное неравенство, препятствуя формированию классового сознания и классовой солидарности. Отказывая меньшинствам в доступе к политике (и, в частности, к гражданству), им предлагают взамен свободу культурного выражения, нередко попустительствуя таким нормам и практикам, которые несовместимы с нормами и практиками большинства и с демократическими принципами как таковыми. Под лозунгом права на различие культура воздвигает жесткие границы внутри современных обществ, лишенных прежних сословных перегородок. Наличие иностранного или регионального акцента, недостаточно грамотная литературная речь, незнание культурных и поведенческих кодов большинства, иной язык тела не только эффективно маркируют чужака в публичном пространстве, но и могут стать преградой для его социальной мобильности и карьерного роста.

Мультикультурализм неотделим также от категоризации населения по признаку культуры. Эта процедура, реализуемая, в частности, с помощью переписей, сама по себе отнюдь не нейтральна по отношению к формируемой ею картине культурного разнообразия, в огромной мере зависящей от дробности классификации. Нарастающая от переписи к переписи мозаичность населения свидетельствует не столько о реальном усложнении его состава, сколько об успешности требований признания со стороны тех или иных культурных сообществ. «Политическое определение меньшинств (черных и латиносов в США, кельтов и пакистанцев в Соединенном Королевстве, христиан и мусульман в Индии) способствует объединению групп большинства: соответственно белых американцев, англичан и индуистов – которым, как считается, меньшинства угрожают»³⁰. Так внутри гражданской нации возникают этнические границы и этнические группы (в понимании Ф. Барта).

Этнизация национальной идентичности

Этот процесс особенно наглядно, как в лабораторном эксперименте, можно наблюдать на примере государств Нового Света. В последние десятилетия здесь обнаружилась любопытная тенденция: в ответ на переписной вопрос об этническом происхождении все большее количество людей называют... свою гражданскую принадлежность. В Канаде первые случаи такой самоидентификации были зафиксированы в ходе переписи 1986 г., хотя переписные инструкции категорически не рекомендовали респондентам определять свое происхождение как «канадцы», дабы «избежать путаницы между *национальностью, или гражданством, и происхождением*»³¹ (курсив мой. – Е. Ф.). Однако десять лет спустя в ответ на требования населения категория «канадец» была добавлена в список возможных переписных ответов, что сразу же привело к стремительному росту этой самоидентификации (31 % в 1996 г. против 4 % в 1991 г.)³². В 2001 г. эта категория набрала 39 % всех ответов, а в 2006 г. она вышла на первое место среди третьего поколения иммигрантов (46 %) и на третье место среди второго поколения (15 %).

По похожей схеме развивалась ситуация в Новой Зеландии, где общественное мнение начиная с 1981 г. поднимало вопрос о включении в перепись категории «новозеландец» (вместо существовавшей «новозеландский европеец»). Между тем Переписное бюро отказывалось выполнить это требование, настаивая на

³⁰ Appadurai A. Après le colonialisme. Les conséquences culturelles de la globalisation. P. 236.

³¹ Thomas D. Je suis Canadien // Statistique Canada. 2005. No. 11–008. P. 3.

³² Fourot A.-C., Garcia P. L'enquête sur la diversité ethnique: l'autodéfinition ethnique et la comparaison inter-générationnelle, vers une meilleure compréhension de la diversité? // Les Cahiers du Gres. 2005. Vol. 5, No. 1. P. 64.

том, что «новозеландец» указывает на юридический статус (гражданство), а не на «историческую связь лица или его предков с этнической группой или сегодняшнее чувство групповой принадлежности». Острые дискуссии по этому поводу накануне переписи 2006 г. имели тот же эффект, что в Канаде: количество самоидентификаций «новозеландец», вписанных в рубрику «другой ответ», выросло с 90 тыс. до 400 тыс., заняв третье место с более чем 11 % всех ответов. Очевидно, если бы такая категория фигурировала среди возможных вариантов ответа на вопрос об этническом происхождении, ее доля была бы еще более высока. По такому пути пошли организаторы австралийской переписи, включив категорию «австралийцы» в национальный стандарт культурных и этнических групп. В 2011 г. к этой категории причислили себя 33 % переписанных.

Из приведенных данных можно было бы сделать вывод о том, что гражданская принадлежность становится доминирующей формой идентичности, однако не все так просто. Сравнение данных переписей разных лет показало, что «канадцами» в основном называют себя лица с английскими или французскими корнями, тогда как другие группы населения, тоже давно обосновавшиеся в Канаде (ирландцы, шотландцы, немцы и украинцы), так же, как недавние иммигранты из Азии и Африки, обычно указывают страну происхождения³³; почти 90 % прироста самоидентификации «новозеландцы» в 2006 г. обеспечено за счет лиц, которые в 2001 г. определяли себя как «новозеландцы-европейцы»³⁴.

Действительно, все более заметная часть населения Нового Света предпочитает идентифицировать себя не с туманным «происхождением», а со страной нынешнего проживания, тем самым пытаясь стереть границу, отделяющую «пришлое население» от «аборигенов». Однако парадоксальным образом идентификация с нацией опирается на наследственный, а не гражданский признак: на глубину «корней». Доказать свою длительную связь с национальной территорией для потомков европейских первопоселенцев означает одновременно и оспорить исключительные права аборигенов, признанные на государственном уровне, и отделить себя от недавних иммигрантов, в большинстве своем – не европейского происхождения. Последние, как мы видели, не осознают себя (и не признаются другими) в качестве «просто» канадцев, австралийцев или новозеландцев. Наконец, определить себя по национальной принадлежности в ответ на вопрос об этничности означает еще и заявить о связи с особой культурой, узнаваемой и признаваемой другими и отличной от «материнской» европейской

культуры. Австралийский стандарт культурных и этнических групп учитывает это обстоятельство: «С момента появления [на континенте] европейцев, более 200 лет назад, возникла отдельная австралийская культурная идентичность, позволяющая включить “австралийцев” [в число культурных групп]»³⁵. Как свидетельствуют Кормак и Робсон, «термин “новозеландец” обычно используется для обозначения национальности и гражданства, однако в последние годы к нему все чаще прибегают в разговорах об этничности и принадлежности к этнической группе»³⁶.

Рассмотренные примеры убедительно подтверждают, что не этничность предшествует национальности и лежит в ее основе, а, напротив, национальная идентичность, подразумевающая чувство солидарности и коллективного членства, трансформируется с течением времени в этничность (т. е. субъективное ощущение культурного единства). Именно господствующая, спонсируемая государством культура приобретает статус национальной культуры и становится канонической, остальные оказываются по отношению к ней в положении меньшинства (не только численного, но и социального). «Интеграция» новоприбывающего иммигрантского населения имплицитно предполагает встраивание в культуру большинства даже в тех странах, где взят на вооружение принцип мультикультурализма. Не избежали этнизации национальной идентичности и классические нации Старого Света, где по мере интенсификации международных миграций баланс между гражданской и культурной идентичностью смещается в пользу последней.

Более того: этнизация национальной (гражданской) принадлежности наделяет ее носителя не только культурными, но и фенотипическими чертами, что по сути означает расиализацию «гражданских наций». Классический пример – американская категория WASP (белый, англосакс, протестант). Вопреки разговорам о свободе самоидентификации, – основываясь на собственном опыте, пишет А. Аппадурай, – она имеет свои границы. Многие жители современных США не могут избавиться от биологизирующего, расиализирующего, относящего их к разряду «меньшинств» взгляда Другого, оттесняющего их за пределы настоящей Америки – далекой от «племенных» распрей, добропорядочной, благовоспитанной и белой – на земле которой им пока еще не гарантирован теплый прием³⁷.

³³ Thomas D. Op. cit. P. 6.

³⁴ Final Report of a Review of the Official Ethnicity Statistical Standard, 2009. URL: www.stats.govt.nz/browse_for_stats/people_and_communities/Households/review-of-the-official-ethnicity-statistical-standard-2009/intercensal-ethnic-mobility-study-2001-2006.aspx (дата обращения: 01.10.2014).

³⁵ Australian Standard Classification of Cultural and Ethnic Groups. URL: www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Lookup/1249.0main+features32011 (дата обращения: 01.10.2014).

³⁶ Cormack D. and Robson C. Ethnicity, national identity and “New Zealanders”: Considerations for monitoring Maori health and ethnic inequalities, Wellington, Te Rōp Rangahau Hauora a Eru Pmare. 2010. URL: http://www.ethnicity.maori.nz/les/ethnicity_national_identity.pdf

³⁷ Appadurai A. Après le colonialisme. Les conséquences culturelles de la globalisation. P. 238.

В Ирландии первоначальное намерение учесть в переписи одну культурно специфическую группу – местных цыган-пэйви – в итоге вылилось во всеобщую категоризацию населения страны по признаку расы/этничности. Расиализация массового сознания нашла свое выражение в ходе референдума 2004 г. по поводу ограничения доступа к приобретению ирландского гражданства, которое отныне основывается преимущественно на праве крови. «Эта политика вкупе с навязчивой идеей нисходящего родства приведет к равному очищению ирландскости (понимаемой здесь как принадлежность к белой расе)», – пишет по этому поводу ирландский автор³⁸.

В эту же логику вписывается канадская категория-эвфемизм «видимые меньшинства»: в бикультурном государстве единственным общим деноминатором двух доминирующих групп – англосаксонских протестантов и франкофонов-католиков – является их принадлежность к категории «белых».

Во Франции культурно доминирующее население носит неофициальное наименование *Bleu-Blanc-Rouge* (сине-бело-красный, по цветам национального флага), к которой относятся по умолчанию белые французы-католики и которой не слишком успешно пытаются противопоставить более инклюзивную конфигурацию *Black-Blanc-Beur* (черные, белые, арабы). Тем самым ставится под сомнение не только интеграция иммигрантов, но и статус французского населения заморских территорий и департаментов – французов по рождению, франкофонов и католиков по культуре, социализированных во французской школе, чьей единственной «виной» (или, вернее, бедой) является цвет кожи.

Культурная сложность и множественность самоидентификаций «французов с островов», как их нередко называют в метрополии, рассмотрена в книге на примере Гваделупы (глава Е.И. и В.Р. Филипповых).

Население, культура и идентичность плантационных обществ Нового Света сформировались сравнительно поздно из разнородных элементов, каждый из которых был вырван из привычной среды и перенесен на новую почву. Этот процесс имел три составляющие: демографическую (последовательные миграционные волны и естественное движение населения), социальную (формирование специфической социальной иерархии более или менее эндогамных групп населения с контрастно различающимся фенотипом) и символическую (формирование и смена идентичности населения).

С момента окончательной отмены рабства и возвращения бывших рабов во французских граждан местными интеллектуалами было предложено несколько идентификационных стратегий. Первой по времени была стратегия «ассимиляции», проявлявшаяся в выраженной идентификации с Европой, ее культурой, ее ценностями и физическими типами.

В дальнейшем акцент был смещен на достижение гражданского и социального равенства, т. е. французская идентичность стала в первую очередь гражданской, тогда как на роль культурных идентичностей с большим или меньшим успехом претендовали паннафриканизм, сформулированный идеологией негритюда; креольская идентичность, основанная на местном языке и принципе автохтонности; локальная – островная идентичность (гваделупцы), иногда достраиваемая до мезо-уровня – антильцы, наконец, общекарибская идентичность. Каждая из них основана на собственных принципах включения/исключения, имеет собственные культурные ориентиры и создает разные ансамбли, по-разному определяя границы воображаемого «мы». На сегодня доминирующей формой идентификации населения является трехступенная «гваделупцы – антильцы – французы», где две первых ступени соответствуют культурной, а последняя – гражданской идентичности. В принципе, такая конфигурация вполне может быть непротиворечивой, но лишь при условии, что сама гражданская французская идентичность будет деэтнизирована и дерасиализирована, что сделает ее более инклюзивной.

Искушение постмодернизмом

Во второй половине XX в. заметный и быстрый рост уровня и качества жизни, вызванный послевоенным оживлением экономики и торговли, породил уверенность, что так будет всегда. Успокаивающая иллюзия безопасности качнула маятник общественных настроений в сторону потребности в свободе. Запрос на демократизацию и либерализм, поиски новых смыслов и отрицание старых истин стали лейтмотивом общественных настроений. Ветер «студенческой весны» 1968 г. пронесся над всей Европой и далеко за ее пределами (университеты лихорадило даже в Японии). Он принес с собой ниспровержение авторитетов, размывание системы ценностей и расширение понятия нормы, вплоть до признания относительности добра и зла, оформившиеся в идеологию постмодернизма. Метанарративы распались на частные версии истории и противоречащие друг другу истины. На смену мыслящему Субъекту пришел многоликий и изменчивый индивид, ни в чем не уверенный и вечно сомневающийся. Крах колониальных империй и постколониальные миграции породили новый контекст культурных взаимодействий, отмеченный конфликтами памяти и идентичности. Следствием этих взаимодействий стала, с одной стороны, «тирания покаяния»³⁹, заставляющая европейцев видеть в самих себе корень всех зол и призывать чуму на собственный дом, с другой – воспроизводство и укоренение расовых стереотипов. «Расизма не существует, пока другой остается Другим, чуждым. Расизм начинается, когда другой приобретает свойства различного, то есть, иначе говоря, становится опасно близким. Имен-

³⁸ King-O'Riain R.C. Counting on the "Celtic Tiger". Adding ethnic census categories in the Republic of Ireland // Ethnicities. 2007. Vol. 7, No. 4. P. 516–542.

³⁹ Bruckner P. La Tyrannie de la pénitence. Essai sur le masochisme occidental. Paris: Grasset, 2006.

но тогда и начинаются поползновения удержать его на расстоянии»⁴⁰.

В недрах торжествующего общества глобального потребления, освящающего «царство дифференциации», в ответ на обезличивающее нивелирование реальных различий между людьми установился «культ различия»⁴¹. «Различия заявили о своем латентном существовании в подавленном состоянии и притязаниях на общественное признание. Производство и поддержание различий оказались чрезвычайно востребованы. Собственная уникальная культурная идентичность стала восприниматься как ценный, уникальный ресурс, который надо защищать и отстаивать»⁴². Вдохновленные примером национально-освободительных движений в третьем мире, заявили о своих правах европейские национальные меньшинства.

В Испании (глава Т.Б. Коваль) смерть Франко в 1975 г. положила конец сорока годам национал-католицизма с его жестким унитаризмом и пресечением любых сепаратистских поползновений.

В годы франкизма поддержка развития региональной идентичности была равносильна борьбе с авторитарным режимом, в то время как рассуждения об общеиспанском национальном сознании, «испанской идентичности» оставались в монопольном владении сторонников Франко. Насильственная централизация и унификация породили протест с ярко выраженной регионалистской и националистической окраской. Его энергия вышла на поверхность после смерти диктатора. Многие регионы стали считать себя нациями или, по крайней мере, национальностями. Общеиспанская идентичность, столь усердно пропагандировавшаяся франкизмом, отошла на второй план. Она не казалась важной в контексте построения новой, во многом уникальной модели – так называемого «государства автономий». В рамках этой модели регионы имеют разный юридический статус, разные объем полномочий и степень независимости от центра, идентичность и интересы одних регионов часто приходят в противоречие с идентичностью и интересами других. Политическая окраска регионалистских и националистических настроений была наиболее распространена в крупных городах, в основном в Каталонии и Стране басков, и их локомотивом были средние городские слои. С момента принятия Конституции 1978 г. эти регионы прошли путь от «дарованного» сверху статуса автономии до требований верховенства региональных законов над национальными и права на самоопределе-

ние вплоть до отделения. С 2009 г. Каталония неоднократно пыталась провести референдум о независимости, но до сих пор эти попытки удается блокировать как неконституционные.

Интересно отметить, что, как показало исследование Т.Б. Коваль, вопреки приверженности басков и каталонцев идее Европы регионов, европейская идентичность не может конкурировать ни с национальной, ни тем более с региональной. Скорее наоборот: чем больше углубляется европейская интеграция, тем сильнее становятся локальные идентичности. И эта тенденция характерна отнюдь не только для Испании. Повсюду в Европе ослабление национального происходит не за счет появления наднационального, европейского самосознания, а скорее за счет широкого распространения индивидуалистических ценностей»⁴³.

В Германии (глава Ю.В. Бучатской), стране, территория которой еще в XVIII в. представляла собой «лоскутное одеяло из территорий с самостоятельным управлением, княжескими династическими традициями, своими законами и замкнутым в своих границах населением», региональное мышление и региональные идентичности не утратили своего влияния до настоящего времени, а бывшие земельно-политические связи подчас занимают в обыденной жизни более важное место, чем общенациональная принадлежность. Этому способствовала официальная идеология, длительное время формировавшая с опорой на труды «этнографов-публицистов» образ германской нации как «многообразного единства».

В этнографических описаниях и постановочных фотоальбомах националистических десятилетий (от 1860 до 1940-х) Германия представала как хорошо сохранившаяся доиндустриальная страна с разнообразием красочных живых региональных традиций. Однако красочность достигалась за счет несимметричности материала: описывая крестьянство, создатели образа нации как общности германских племен игнорировали социальные различия, временную динамику, инновации и наличие иных производящих классов и их традиционной культуры. Таким образом, медиальная среда формировала стереотипы, бытующие и определяющие восприятие Германии до настоящего времени.

Сегодня, когда межрегиональные различия в материальных формах бытовой культуры фактически нивелированы стандартизированной культурой потребления, регионализм «подвергается культурализации или экзотизации и предстает в современном мире в виде “внутренней экзотики”, продающейся на туристическом рынке», – пишет Ю.В. Бучатская.

Особенностью Германии является как то обстоятельство, что на начальном этапе она конструировала себя как культурная нация (в противовес французской – гражданской), так и то, что сегодня, в то время как в традиционно «гражданских» нациях растет

⁴⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 186.

⁴¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика. Культурная революция, 2006. С. 286.

⁴² Васильев А.Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д.Л. Спивак. М.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. С. 56.

⁴³ Дьеккофф А., Филиппова Е. Переосмысление нации в постнациональную эпоху // Этнографическое обозрение. № 1. С. 197.

внимание к культурной составляющей, германские политики и мыслители стремятся преодолеть «гомогенизирующую идею немецкости» и отказаться от попыток ассимилировать любые чужеродные элементы. Не случайно именно немец Ю. Хабермас сформулировал концепцию конституционного патриотизма. Образ Германии как мультикультурного гражданского общества, упрямая приверженность которому дорого стоит Ангеле Меркель, с одной стороны, вписывается в эту тенденцию, а с другой – отсылает к историческому архетипу «многообразного единства».

Анализируя ситуацию в современной Германии и оглядываясь на ее прошлое Ю.В. Бучатская пишет, что модель государства-нации была привлекательна для большинства населения постольку и до тех пор, пока и поскольку «сулила вполне осязаемые блага – социально-экономические выгоды от наличия национального государства, гражданские права членов национального сообщества, прежде всего права на социальные и экономические достижения национального государства». Постепенно, однако, эти блага и преимущества стали сходить на нет, а социальное государство оказалось не в состоянии обеспечить всеобщее благоденствие. Выразив ощущение многих наших современников, А. Турен диагностировал «конец общества», упадок всех его традиционных институтов – семьи, школы, города, предприятий, системы социальной защиты и контроля, профсоюзов и политических партий, да и самой политики в ее привычном понимании⁴⁴. М. Гоше констатировал конец религии как организатора коллективного существования и как политической силы⁴⁵. Ж. Бодрийяр признал глубокую дезинтеграцию всего западного мира: разрыв социальных связей, нарастающее взаимонепонимание, утрату объединяющей идеи, отказ от общих ценностей⁴⁶.

Консервативный поворот

За нынешними дискуссиями о «крахе мультикультурализма» в Европе, как и в России, стоит подсознательное стремление отгородиться от внешнего мира, остановить время, законсервировать «традиционные ценности», закрыть двери перед теми, кто не похож на «своих», «местных». Нашествие «чужаков» пугает потому, что зримо воплощает мысль о конце очередной прекрасной эпохи, о том, что ничто уже не будет прежним, привычным, знакомым. 11 сентября 2001 г., возвестившее о пришествии мирового терроризма; экономический кризис 2008 г., принесший с собой рост безработицы и снижение уровня жизни, подорвавший основы государства всеобщего благоденствия и отчетливо продемонстрировавший непрочность завоеванных социальных гарантий; череда революций, городских мятежей и локальных конфликтов, свиде-

тельствующих о кризисе современного миропорядка – таковы только самые очевидные причины таких настроений.

В новой беспокойной обстановке свобода оказалась для многих непосильным бременем, возникла ностальгия по определенности, ясным смыслам и твердым правилам. В то же время соблазны общества потребления, притягательные для поколений, переживших тяжелые времена войн и лишений, поблекли в глазах их потомков, привыкших к материальному изобилию с детства и воспринимающих его как должное, а некоторые даже как обузу. На наших глазах происходит консервативный поворот от постмодернистской неопределенности и всемерности к «истинным ценностям», что объясняет рост популярности правых и ультраправых взглядов.

Подробный анализ причин такого дрейфа общественных настроений, а также способов манипулирования этими настроениями, на примере истории французского Национального фронта, представлен в главе Н.В. и И.М. Моховых. Эти причины разбиты на три группы: политические, экономические и культурные.

Национальный фронт успешно притягивает французов, которые разочаровались в других партиях, в десятилетиями проводившемся курсе и в целом в национальной и европейской политике. И чем больше в политике, экономике и обществе тем, вызывающих общественное недовольство, тем активнее НФ использует их в политической агитации. Лидеры НФ нередко говорят о проблемах безопасности в городах, порядке, идентичности, ограничении иммиграции, республиканской модели ассимиляции, введении государственного контроля, потере экономического суверенитета, подчинении французского правительства «финансовому миру» (крупным частным банкам), экономическом патриотизме, зависимости от решений Еврокомиссии, моратории на углубление европейской интеграции, государстве-нации.

После смены руководства партии удалось заметно скорректировать и улучшить свой имидж. Фронт заявляет о приверженности республиканской светскости и интеграционной концепции национальной идентичности, которая «приглашает» всех французов объединиться вокруг общей культуры и ценностей вне зависимости от страны происхождения их родителей или этнической и религиозной принадлежности. Отказ от проявлений антисемитизма (свойственных НФ ранее) также способствовал улучшению имиджа партии. Новая социальная риторика и внимание к проблемам безработных и небогатых слоев французов привлекают традиционный электорат левых партий. Сохранение элементов национализма (неизменная приверженность тезисам о «национальном приоритете», защите французской культуры и ограничении иммиграции) делают его привлекательным и для правых. В то же время голосование за НФ является в первую очередь протестным, и его успехи на региональных выборах обусловлены не методичной работой с избирателями, а осознанием местными жителями отсутствия перспектив, протестом против «экономи-

⁴⁴ Touraine A. La fin des sociétés. Paris: Seuil, 2013.

⁴⁵ Gauchet M. Le Religieux et le Politique. Douze réponses de Marcel Gauchet. Paris: Desclée de Brouwer. 2010.

⁴⁶ Baudrillard J. Nique ta mère! // Libération 18 novembre 2005.

ческой и политической системы» и слабым участием государства в решении повседневных проблем.

Государства-нации: экспортный вариант

Превращение бывших колоний в государства-нации произошло сравнительно легко в тех странах, где большинство населения составляли выходцы из Европы (в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии). Напротив, этот процесс затруднен там, где европейский компонент населения находится в меньшинстве. О причинах этих трудностей идет речь в главе Д.М. Бондаренко. Помимо присущего большинству пред-национальных обществ социокультурного, языкового и религиозного многообразия, которое в ходе нациестроительства обычно удавалось если не полностью нивелировать, то в значительной мере сгладить, автор выявляет системную проблему: экзотичность и анахронизм классической модели государства-нации – феномена по своей природе европейского – для постколониальных африканских и азиатских обществ.

Воспроизводя форму политических институтов и правовые нормы Запада Нового времени, постколониальное государство не могло автоматически усвоить присущего им содержания, вложенного гражданским обществом, самостоятельно сложившимся в Европе, но не в Азии и Африке, где строительство наций было инициировано и направлялось внешней по отношению к обществу, вставшей над ним силой. Этим определяется своеобразие не только процесса, но и результатов на сегодняшний день формирования постколониальных наций, в частности сохраняющийся существенный разрыв между обществом и государством, недостаточная сила влияния первого на второе. Попытка следовать образцу европейских наций наталкивается на колоссальные трудности, связанные в том числе с особенностями афро-азиатских традиционных политических культур, социальных институтов, систем ценностей и т. д. К тому же сам Западный мир сегодня вынужден решать новую задачу – поддержания единства граждан государства при сохранении привнесённого мигрантами со всего света культурного многообразия. Не единая культурная, системоценностная идентичность, доминирующая над идентичностями локальными и частными, но равноправное сосуществование множества культурных идентичностей акцентируется ныне как новая базовая национальная ценность, как источник национального развития в современных условиях интенсивной глобализации.

Сформулированная Д.М. Бондаренко проблема прослеживается и в других главах, посвященных постколониальным государствам. Н.В. Мохов в главе об Алжире пишет:

«Освобождение от колониальной опеки в 1940–1960-е гг. поставило перед молодыми государствами новые вызовы: как обеспечить контроль над доставшейся территорией, создать условия для социально-экономического развития, стать жизнеспособным субъектом мировой политики и экономики. Общей

парадигмой решения этих практических и неотложных задач стало строительство наций-государств по образу и подобию европейских, которые служили примером и источником заимствований в таких областях, как государственные институты, социально-экономические структуры, системы образования, принуждения и культуры. Элиты новых государств пробовали и выбирали разные решения для одинаковых проблем, которые вытекали из главной задачи – формирования национального сообщества: массы граждан, объединенных общей национальной культурой, лояльных общему государству и осознающих себя одним народом».

Несмотря на усиленное насаждение государством ислама и внедрение единой версии национальной истории, формирование общей культуры в постколониальном Алжире отнюдь не было очевидным. Одним из разъединяющих факторов служил язык. Мохов выделяет следующие идеальные типы ценностных установок, связанных с принадлежностью к языковому сообществу:

«Франкофон видел Алжир скорее страной плюралистичной культуры, где арабский элемент уживается с берберскими корнями и разнообразным внешним влиянием (прежде всего с французским). Арабофон (которых стало немало с конца 1970-х гг.) видел Алжир арабской страной, его общественный идеал противостоял идеологии светскости, модернизации, научного прогресса и плюрализма. Все французское было для него чужим, а берберское – пережитком прошлого. Для франкофона (и берберофона) эта ложная чистота была вымыслом догматиков, желавших по тем или иным причинам замаскировать реальность и со временем изменить ее».

Изучение эволюции алжирского государства-нации на протяжении 50 лет привело автора к следующим выводам: во-первых, национальное самосознание не является категорией, которая свободно поддается моделированию «сверху». Почти три десятилетия комплексной государственной политики и пропаганды в авторитарном государстве не смогли воспрепятствовать появлению многочисленных сторонников альтернативного общественно-политического и культурного идеала. Во-вторых, существует прямая зависимость между лояльностью национальной идентичности и конкретными результатами социально-экономического и государственного созидания. В-третьих, ключевую роль при формировании идентичности играет поиск смысла, с которым индивид связывал бы свое мировоззрение, рациональность и будущее. Жизнеспособность идентичности проверяется временем, которое лишает социальной поддержки искусственные или утопичные «конструкты» (как официальный арабизм и утопия исламизма)».

Нынешние границы еще одного африканского государства – Мали (глава В.Р. Филиппова и Э.Т. Дикко) – также результат колониальной эпохи.

Власти, пришедшие на смену колониальной администрации, унаследовали территорию с населяющим ее ансамблем народов, объединенных бывшей метрополией в своих утилитарных целях.

Трудности построения национального государства в Мали в значительной мере связаны с конфликтом культур жизнеобеспечения: оседлые земледельцы, охотники и рыбаки сосуществуют здесь с воинственными скотоводами и торговцами – туарегами, чьи земли разделены сегодня между несколькими государствами. Вековая мечта всех туарегов объединиться в границах одного государства – Азавад всегда была источником сепаратистских настроений.

Современный раскол малийского общества, формирование фактически двух различных национальных идентичностей восходит к XIX в., когда колониальная администрация прикладывала усилия к разделению различных групп населения, к разрыву связей между ними, классифицируя их на основе противопоставления (кочевники/оседлые, черные/белые, земледельцы/скотоводы). Тем не менее, общее колониальное прошлое и факт антиколониальной борьбы создают основу идентичности малийцев. Разобщению способствуют многие факторы: традиция войны, историческая память, воспроизводящая из поколения в поколение образы врагов, социальные диспропорции и экономическое неравенство, дискриминационные практики властей, стремление бывшей метрополии контролировать экономику и политику ныне суверенной страны. В то же время культурное разнообразие и многоукладность экономики способствуют формированию мультикультурного, плюралистического проекта малийской нации. Именно в способности государства защитить это многообразие видится залог успешности формирования общего культурного пространства и гражданской идентичности малийцев.

Особняком среди африканских государств стоит ЮАР (глава И.И. Филатовой), где «колония (африканские районы) и метрополия (районы, населенные белыми) располагались на территории одной страны, а государственные структуры базировались на расовой дискриминации на протяжении столетий и на попытках разделения общества по расовому признаку – на протяжении четырех десятилетий».

После отмены апартеида в 1990 г. здесь была предпринята попытка построения пострасового общества, так называемой «радужной нации», по выражению архиепископа Десмонда Туту. Однако национального примирения не получилось, и очень скоро на смену проекту формирования гражданской нации на основе «нерасового и неэтнического патриотизма» пришло видение ЮАР как «африканской нации, базирующейся на единении различных африканских идентичностей». В рамках политики «расовой трансформации» был законодательно закреплён принцип «демографической репрезентативности», заключающийся в приведении расового состава служащих каждого института государственной службы на каждом уровне в соответствие с расовым составом населения. В дальнейшем этот принцип был распространён и на частные предприятия. Введены расовые квоты на поступление в университеты. Созданы преференции для черных в сфере бизнеса. Правящая партия сумела навязать дискурс расовой трансформации всему политически сознательному обществу, включая официальную оппо-

зицию. В стране не осталось ни одной политической организации, которая выступала бы с альтернативной программой искоренения наследия апартеида.

Результатами политики расовой трансформации стали закрепление расовых предрассудков среди всех групп населения ЮАР, появление прослойки черных миллионеров и небывалый расцвет коррупции, рост социального иждивенчества. Она не привела к существенному улучшению положения черного населения и не способствовала решению социально-экономических проблем страны.

Запад есть Запад, Восток есть Восток

Оказавшись в Китае или Японии, – заметил Ф. Лаплантин⁴⁷, внимательный «западный» наблюдатель, тем паче – антрополог, сразу понимает, что эти общества не вполне «познаваемы» при помощи тех категорий, на которых он воспитан в Европе или Америке. Декартовское «мыслью, следовательно – существую», кантианское противопоставление эмпирического, чувственного и рационального, рассудочного здесь не работают, пространство и время устроены по-иному. Соответственно не критический перенос на эти общества западных моделей и аналитических категорий можно объяснить только интеллектуальной гегемонией Запада, пытающегося втиснуть текучие, изменчивые и бесформенные культуры Востока в прокрустово ложе рассудочных схем.

«До сих пор люди Запада считали свою культуру превосходящей нашу и эталонной для всего остального мира. Все народы, в том числе народы Востока, должны следовать в их фарватере». «Японцы в западных концепциях характеризуются как совершенно гомогенный народ, лишенный в своих действиях автономии, не имеющий своего мнения и намеренный похоронить себя в группе или организации, к которой принадлежит», – цитирует Е.Л. Скворцова японского философа Нисиду Китаро.

В отличие от рационалистической западной цивилизации, руководствующейся научным мировоззрением, японской культуре чуждо жесткое противопоставление субъекта-человека – объекту-природе и миру вещей. Японцы считают, что среда обитания, и особенно климат, непосредственно влияют как на материальную, так и на духовную культуру. Ученик Нисиды Вацудзи Тэцуро сформулировал понятие *айдэгага* – поле взаимного доверия. Оно складывается в условиях определенного климата и развившейся на этом фоне культуры («исторического тела»). Разрушение этого поля доверия чревато разрушением как социума в целом, так и отдельного человека. Задача политиков и философов состоит во всяческом укреплении и наращивании поля доверия. Оно и есть истинная идентичность, которая формирует будущее на основе прошлого.

⁴⁷ Laplantine F. Quand le moi devient autre. Connaître, échanger, transformer. Paris: CNRS éditions, 2012.

Не устраивает японского философа и западное представление о человеке как о независимом атоме. Для Вацудзи Тэцуро (как и его учителя Нисиды Китаро) человек – прежде всего продукт национальной культуры. Термин *нингэн* («человек» и «человечество») отражает фундаментальный двойственный характер человека как одновременно индивидуального и общественного существа.

Глава А.Н. Мещерякова повествует, казалось бы, о временах давно прошедших – рубеже XIX и XX вв., но то, что происходило в Японии периода Мэйдзи, находит явные отголоски в недавней российской истории.

Открывшись миру после двух с половиной веков автаркии, Япония оказалась на распутье: одни японцы «панически боялись, что их может постичь участь других азиатских и африканских стран – порабощение и уничтожение собственной культуры», другим казалось, что «в стране не существует достойной уважения культуры и цивилизации, а спасение может принести только тотальная вестернизация», они «желали избавиться от своей “японскости” [...] и стать “настоящими” европейцами». Не то же ли самое происходило в России после падения «железного занавеса»? И не те же ли безуспешные попытки утвердить себя в качестве европейской страны обернулись горьким разочарованием и обидой, вызвав «от противного» подъем антизападных настроений, возрождение интереса к «особому пути» и поискам внутренних источников позитивной идентичности? Новейшая история противостояния современных российских «западников» и «славянофилов» напоминает спор двух авторитетных японских авторов, один из которых утверждал: «Япония расположена в Азии, но ее структура является европейской», другой же настаивал на уникальности и неповторимости страны, которая должна выполнить свое «небесное предназначение» и стать «истоком для будущей восточной цивилизации».

Воодушевленность идеей создания государства-нации (в противовес прежней сословно-фрагментированной общественной системе) позволила японцам добиться выдающихся успехов в экономике, образовании и военном деле – но увлеченность мыслями о величии и особом предназначении привела к экспансионизму, имевшему катастрофические последствия для страны и ее народа, – заключает А.Н. Мещеряков.

Китайское представление о собственной цивилизации как об уникальной модели, трансформирующейся во времени и пространстве (глава А.А. Закурдаева) основывается на диалектическом понимании универсальных законов развития: любой объект как единое целое функционирует вследствие противостояния противоположностей (*инь* и *ян*), одна из которых выступает в качестве доминанты и задает модели отношений в социальной, политической, военной, эко-

номической и культурной сферах жизни китайского общества.

Отсутствие четкой терминологической дифференциации между этносом и нацией указывает на их единство, принадлежность одной трансформирующейся форме *миньцзу*, внутри которой имеют место многосторонние противоречия. *Миньцзу* и *гоцзя* (государство) принято считать исторически обусловленными взаимосвязанными сторонами одного целого. Трансформация *миньцзу* включает происхождение, развитие и «смерть». Чжунгожэнь – «Человек Срединного государства» – общее наименование для всех жителей КНР. Это – не этнический термин, его границы меняются вместе с границами китайской цивилизации.

Государственная власть, выступающая в роли активной стороны в лице своего огромного бюрократического аппарата, проникает во все сферы жизни народа как пассивной стороны, одной формы – государства. Такое проникновение обеспечивает целостность страны и единство ее внутреннего содержания независимо от степени культурной сложности. Китайское руководство отстаивает принцип невмешательства во внутренние дела государства и минимизирует внешние воздействия на свое общество. Обычный китаец, идентифицируя себя с нацией, прежде всего, на правах подчиненной стороны признает и принимает политику доминантной, управляющей, стороны (китайца-управленца) и полноценно встраивается в социально-политическую, экономическую и культурную систему, юридически оформленную в Конституции КНР на данном этапе исторического развития.

* * *

Предпринятые авторами этой книги исследования свидетельствуют о сложных перипетиях государства-нации со времени его зарождения на заре Нового времени до наших дней. Европейская *par excellence*, эта модель долго претендовала на универсальность, что выразилось, в частности, в попытках распространить ее (на уровне практики или дискурса) далеко за пределы исходного ареала. Сегодня, однако, очевидно, во-первых, что не все попытки сконструировать государство-нацию могут быть успешными (об этом, в частности, свидетельствуют бесконечные межобщинные конфликты, гражданские войны и государственные перевороты, сотрясающие постколониальные государства, провозгласившие себя нациями, но так и не ставшие ими). Во-вторых, что не все независимые государства готовы заимствовать западный опыт и предпочитают иные, более соответствующие их политической и культурной традиции формы легитимации власти. В-третьих, что сама якобинская модель подвергается эрозии, проявляющейся в этнизации и расиализации гражданской нации.

